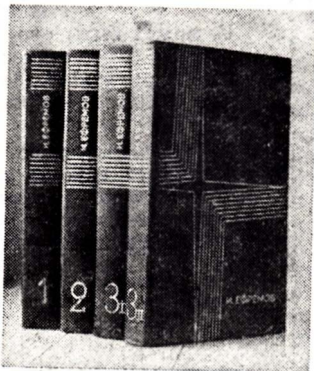

и паруса и звездолеты...

В 1944 году в журналах «Краснофлотец», «Техника — молодежи», «Новый мир» появились рассказы неизвестного тогда автора — геолога и палеонтолога Ивана Ефремова. Страна еще воевала, но победа приближалась, победа не вызывала сомнений, и мысли обращались к послевоенным делам.

Вот о романтике странствий по мирной земле и мирному морю, о героизме скромного, будничного труда и заговорили знаменитые «Рассказы о необыкновенном» Ефремова. Весь послевоенный период советской фантастики пошел от них.

Ефремов прожил насыщенную жизнь. Всего было много: странствий, трудов, впечатлений, размышлений. Рано оставшись без родителей, он стал воспитанником красноармейского полка, участвовал в штурме Перекопа. В семнадцать лет был штурманом, плавал на Тихом океане и Каспийском море. Оставил море ради геологии и к двадцати годам открыл кладбище древних земноводных на далеком севере. Экспедиция за экспедицией в Сибири (разведка трассы БАМ, между прочим), потом в Монголии. В тридцать три года Ефремов — доктор биологических наук. В дальнейшем создатель тафономии — особой науки о том, как и где искать остатки ископаемых животных. В 1952 году — Государственная премия за труды по тафономии.

И одновременно литература. В 1957 году в журнале «Техника — молодежи» печатался с продолжением его роман «Туманность Андромеды». На этот раз речь шла не о скромных буднях, а о романтике грандиозного, космического, вселенского, о Великом Кольце дружественных внеземных цивилизаций, о подробностях земной жизни через тысячи лет. Этим романом начался новый период советской фантастики — смелый, масштабный, с большими научными планами.

Эту же тему развивал И. А. Ефремов и в рассказе «Сердце змеи» (Сог Serpentis), опубликованном в первом номере журнала «Юность» за 1959 год.

Фантастика чутко отражает настроения современности. Истина покажется парадоксальной для тех, кто не знаком с этим жанром. Но связь тут своеобразная. Фантастика повествует не о делах, а о надеждах и мечтах: изображает, выдвигает, обсуждает, иногда и осуждает мечты. Мечты изменчивы, как облака: иные дают благодатный дождь, иные тают, иные меняют форму. И фантастика довольно резко меняет курс.

При этом нередко меняются лидеры. Не каждому писателю-фантасту по плечу новый взгляд на вещи. Ефремов, однако, оставался лидером всегда. Для каждого периода находил и личные впечатления и оригинальные мысли.

Мало того. Если фантастика, отзываясь на мечты и надежды, опережает свое время, Иван Антонович всегда опережал фантастику. Именно потому он и был зачинателем в каждом новом периоде. Ведь рассказы о послевоенном труде он писал во время войны. И роман о космическом будущем человечества — до того, как весь мир взбудоражил первый советский спутник.

А когда другие фантасты ринулись в космос — от планет к звездам, от звезд к галактикам, Ефремов писал «Лезвие бритвы» — роман о нераскрытых возможностях человека, физиологических и психологических.

Только сейчас, в 70-х годах, наша фантастика становится психологической.

В «Лезвие бритвы» («Мое «Лезвие», — говорил Ефремов вкусным басом, — полным-полно оригинальных

авторских мыслей: и о борьбе противоположностей в природе, и о единственно возможном решении, узком, как лезвие, и о совершенстве этого решения, и о красоте как нашем восприятии совершенства, и о скрытых силах организма, и о памяти веков, и о многом другом»). Я даже как-то спросил Ивана Антоновича, не пишет ли он сборник статей — эссе о природе и человеке. Но он покачал головой. Нет, он хотел, чтобы его мысли доходили до широкого читателя с помощью увлекательного сюжета. И в результате романы Ефремова обязательно надо читать дважды: сначала, чтобы проследить за интригой, а потом, когда знаешь, чем дело кончилось, уже не волнуешься за героев, посмаковать и обдумать рассуждения автора.

Последний роман — «Таис Афинская» — не фантастический, исторический — о современнице Александра Македонского. Он посвящен роли женщин в человеческом обществе. Тема эта проходит через все большие романы Ефремова. Женщина для автора не только эстетическое совершенство, воплощение красоты, украшение жизни, очищающее, облагораживающее начало. Она носительница высоких идеалов искусства и высшей мудрости мирной жизни, направляет и укрощает грубоватых, не в меру самолюбивых и воинственных мужчин. С возмущением пишет Ефремов о неравноправии полов, укоренившемся при христианстве. Смелая, свободная, образованная, самостоятельная женщина, соратник, а часто и руководитель мужчины — такова идеальная героиня Ефремова.

Правда, материнство отходит у него на второй план. Иван Антонович считал домашнее воспитание кустарным. В «Туманности Андромеды», например, родители отдают годовалых детей в интернат и только самые страстные мамы пестуют своих младенцев на обособленном «Острове Матерей».

Может быть, следующий роман Ефремов написал бы о воспитании?

В последнее время ученые все чаще говорят о том, что интерес к физике сменяется столь же широким интересом к биологии, а та, возможно, уступит психологии, стало быть, и педагогической психологии.

«Таис Афинская» вышла в 1972 году. Вероятно, уже тогда Ефремов размышлял о проблемах, которые будут занимать мечтателей, футурологов и фантастику в 80-х годах.

И не успел. Знаете, как это бывает? Горопишься со срочными мелочами, важные дела откладываешь на неделю, на месяц...

Кто-то сказал мне, что Ефремов только что вернулся из санатория. «Ну и ладно, — подумал я. — День-два надо же отдохнуть человеку после приезда. Позвоню завтра».

А назавтра Ефремова не стало.

И, протягивая мне красно-черную повязку, редактор Ефремова вздохнул:

— Вот был человек, о котором никто не мог сказать плохого.

Да, могли не соглашаться, спорить, критиковать, могли и завидовать даже. А плохого сказать никто не мог.

Г. ГУРЕВИЧ

Александр Павлов

Александр Павлов живет в Магнитогорске. Работал вальцовщиком на металлургическом комбинате, служил в армии. Сейчас — сотрудник заводской многотражки, заочник Литературного института имени Горького.

Куштурмга

Когда шуршит колючая шуга,
точа и разрушая берега,
у дна тревожа шуструю форель,
бежим туда, где жгуча и туга,
спадая с гор, клокочет Куштурмга
под мелкою листвою осокорей.

Она летит, взрываясь и рыча,
в ущельях тесных камни волоча,
разбитые мостки, вершинный снег...
Башкирия — серебряный колчан,
где речки-стрелы с горного плеча
срываются в долины по весне.

Дом

Мы забыться хотели,
да забыть не смогли
старый дом у котельни
в антрацитной пыли.

Засыпной и каркасный,
крытый толем дворец,
под восходами красный,
голубой в светунец.

В незабытой сторонке
только лет он стоит.
Только водokolонка
все гремит и гремит.

Только веснами слышу:
он встречает метель,
конопаченной крышей
окунаясь в апрель.

Бросив времени вызов,
все плывет по весне —
воробьи на карнизах
и герань на окне.